

Институт Европы РАН подготовил новую коллективную монографию, которая стала двадцатым томом в ведущей свой отчет с 2007 г. серии «Старый Свет — новые времена». В ней дан всесторонний и научно обоснованный взгляд на современную Европу, показывающий как все имеющиеся риски в ее развитии, так и составляющие запаса прочности континента. В обозримом будущем он продолжит оставаться в зоне большой неопределенности, обремененный тяжелыми внутренними заботами и окруженный различными «дугами» нестабильности. Тем большее значение имеют научный подход к решению накопившихся проблем, расширение в анализе международных отношений и мировой политики поля фундаментальной науки, высокопрофессиональная экспертная поддержка внешней политики России.

ИЕ РАН

ЕВРОПА МЕЖДУ ТРЕХ ОКЕАНОВ

ISBN 978-5-4469-1640-5

9 785446 916405

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ЕВРОПА МЕЖДУ ТРЕХ ОКЕАНОВ

Под общей редакцией А.А. Громько и В.П. Фёдорова

ЕВРОПА

МЕЖДУ ТРЕХ ОКЕАНОВ

Научный руководитель серии «Старый Свет – новые времена»:
чл.-корр. РАН *Ал. А. Громыко*

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:
чл.-корр. РАН *Ал. А. Громыко* (председатель),
к. э. н. *В. Б. Белов*, д. э. н. *Ю. А. Борко*, д. э. н. *О. В. Буторина*,
акад. РАН *В. В. Журкин*, к. э. н. *Н. Б. Кондратьева*,
чл.-корр. РАН *М. Г. Носов*, д. и. н. *Ю. И. Рубинский*,
чл.-корр. РАН *В. П. Фёдоров*, д. и. н. *В. Я. Швейцер*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
Российской академии наук

ЕВРОПА МЕЖДУ ТРЕХ ОКЕАНОВ

Монография

Под общей редакцией

Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова

Москва
ИЕ РАН

Санкт-Петербург
Нестор-История

2019

УДК [323/327+338.1/.2]:061.1ЕС

ББК 66.4(4),60+65.9(4)

Е24

Руководитель научного проекта:

чл.-корр. РАН *Ал. А. Громыко*

Рецензенты:

акад. РАН *В. Г. Барановский*, акад. РАН *С. М. Rogov*

Тема НИР «Трансформация Большого европейского пространства
в условиях новых глобальных вызовов» (0167-2019-0004)

Авторский коллектив монографии:

чл.-корр. РАН *Ал. А. Громыко*, акад. РАН *В. В. Журкин*,
чл.-корр. РАН *В. П. Фёдоров*, чл.-корр. РАН *М. Г. Носов*,
к. филос. н. *Е. В. Ананьева*, к. полит. н. *Л. О. Бабынина*, д. э. н. *А. И. Бажан*,
к. э. н. *В. Б. Белов*, д. э. н. *Ю. А. Борко*, д. э. н. *О. В. Буторина*,
д. филос. н. *Е. В. Водопьянова*, к. э. н. *Н. В. Говорова*, к. полит. н. *К. А. Годованюк*,
к. э. н. *Д. А. Данилов*, к. пед. н. *В. П. Журавель*, к. филос. н. *А. К. Камкин*,
к. и. н. *П. Е. Кандель*, к. э. н. *Н. Б. Кондратьева*, д. полит. н. *Р. Н. Лункин*,
д. полит. н. *И. Ф. Максимычев*, к. и. н. *Е. А. Маслова*, к. и. н. *В. И. Мироненко*,
д. полит. н. *О. Ю. Потемкина*, д. и. н. *Ю. И. Рубинский*, д. и. н. *А. А. Синдеев*,
к. и. н. *Е. П. Тимошенкова*, к. э. н. *А. Н. Цибулина*, д. э. н. *В. С. Циренчиков*,
д. и. н. *В. Я. Швейцер*, д. и. н. *Л. Н. Шишелина*, д. полит. н. *А. И. Шумилин*,
к. и. н. *И. Н. Щербак*, *В. В. Орлова* (ответственный секретарь)

Е24 Европа между трех океанов : монография / [*Ал. А. Громыко, В. В. Журкин, В. П. Федоров* и др.] ; под общ. ред. *Ал. А. Громыко* и *В. П. Федорова* ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. — М. : ИЕ РАН : Нестор-История, 2019. — 608 с. — (Старый Свет — новые времена). — Авт. указаны на обороте тит. л. *И. Громыко, Ал. А. П. Журкин, В. В. III. Федоров, В. П.*

ISBN 978-5-98163-133-7 (ИЕ РАН)

ISBN 978-5-4469-1640-5 («Нестор-История»)

Работа посвящена научному осмыслению происходящей в последние годы трансформации большого европейского пространства, его взаимодействия с другими регионами мира. Важное место в исследовании занимают как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы на континенте. Рассмотрены проблемы, которые вынуждены решать страны Старого Света: межгосударственные противоречия, кризисные и застойные тенденции в экономике, фактор новых технологий, социальная напряжённость, трудности в государственном и надгосударственном управлении, международная миграция. Большое внимание уделено политическим реалиям в Европе. Освещены состояние партийно-политического ландшафта, вопросы экстремизма, религиозные аспекты европейской действительности. Подробно рассмотрена тема европейской безопасности с учетом поисков выхода из тупиков. В работе сочетаются страновой и региональный подходы, что позволяет дать комплексную картину состояния и перспектив развития Европы.

ISBN 978-5-4469-1640-5

9 785446 916405

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2019

© Издательство «Нестор-История», оформление, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Ал. А. Громыко</i>)	10
---	----

Раздел I

Европа в глобальных и региональных процессах

Глава 1. Место Европы в мире (<i>Ю. А. Борко, М. Г. Носов</i>)	14
Европа между прошлым и будущим	14
ЕС — США	18
ЕС — Китай	31
ЕС — Россия	40
Глава 2. Мир вокруг Европы (<i>Ал. А. Громыко</i>)	49
Новая биполярность?	51
«Ловушка Фукидида»	53
Экономическая взаимозависимость против геополитики	55
Внешние контуры соперничества	57
«Возвращение мира Марко Поло»	60
Значение терминов	65
Взросление Европы	68
Глава 3. Евросоюз: вызов брекзита (<i>Л. О. Бабынина</i>)	71
ЕС без Великобритании: больше гибкости или единства?	71
Что изменится в ЕС после брекзита?	78
Возможные реформы	81
Глава 4. Становление Евразийского экономического союза (<i>Н. Б. Кондратьева</i>)	90
Концептуальное сходство европейской и евразийской интеграции	91
Прогресс евразийской интеграции	95
Пределы наднационального регулирования	98
Контроль конкуренции	103
Эффекты интеграции	105

Раздел II

Страны и регионы

Глава 5. Германия в Европе: лидер поневоле? (Е. П. Тимошенко) . . .	108
Роль Германии в Европе	108
Факторы лидерства Германии	115
Глава 6. Модернизация ЕС: французская стратегия (Ю. И. Рубинский)	123
Истоки	123
Этапы и проблемы евростроительства	128
«План Макрона»	135
Неоднозначные результаты	143
Глава 7. Британия в тени брекзита (Е. В. Ананьева, К. А. Годованюк) . . .	149
Анатомия брекзита	153
Обострение внутривнутриполитической борьбы после референдума . . .	157
Перипетии Соглашения Британии с ЕС	161
«Глобальная Британия» как внешнеполитическая установка . . .	167
Перспективы свободной торговли	170
Последствия брекзита для российско-британских отношений . . .	172
Глава 8. Италия — средняя держава с глобальными интересами (Е. А. Маслова)	174
Модели внешней политики	176
Национальные интересы и приоритетные направления	179
Двусторонний диалог Москва — Рим	181
Внешиполитические приоритеты: оценки экспертов	182
Восприятие внешней политики итальянским обществом	185
«Итальянский путь» миротворчества	186
Глава 9. Украинский фактор в европейской трансформации (В. И. Мироненко)	193
Европейский выбор Украины	199
Европейский союз и Украина	201
Паллиатив как политический принцип	204
Новый этап со старыми подходами	206
Глава 10. Становление и развитие Вишеградской группы (Л. Н. Шишелина)	213
История создания	215
Вишеградский регион — пространство трансформаций	219
Вопреки предсказаниям о распаде	231
Глава 11. Западные Балканы и трансформация ЕС (П. Е. Кандель) . . .	235
Балканская головоломка	235
«Российская угроза»	239
Расширению ЕС быть?	245

Глава 12. Арктическая политика (<i>В. П. Журавель</i>)	257
Арктика как мегарегион	257
Политика европейских стран в регионе.	263
Россия в Арктике	267
Проблемы безопасности.	272
Глава 13. Южные Курилы — достояние страны (<i>В. П. Федоров</i>)	274
Амбиции без оснований	275
Упущенное время.	278
Программы развития.	283
Компромисс не нужен	289

Раздел III

Экономические перемены

Глава 14. Европейский союз: центр и периферия (<i>А. И. Бажан</i>)	291
Концепции взаимодействия	292
Классификация стран ЕС.	294
Торговые отношения	297
Вишеградская группа	301
Возможна ли дезинтеграция?	303
Глава 15. Европейский рынок труда (<i>Н. В. Говорова</i>)	309
Временная и неполная занятость	310
Нестандартные формы занятости.	313
Региональные особенности	316
Глава 16. Образование и наука на пути к экономике знаний (<i>Е. В. Водопьянова</i>)	324
Основные тренды образовательной динамики.	325
Формирование новой парадигмы развития европейской науки	337
Россия — ЕС: научно-образовательный диалог	342
Глава 17. Новые направления реформы зоны евро (<i>О. В. Буторина, А. Н. Цибулина</i>)	344
Практические меры	344
Системные проблемы	353
Глава 18. Цифровая трансформация европейской промышленности (<i>В. Б. Белов</i>)	363
Дигитализация — основа реиндустриализации экономики ЕС	363
Германия — лидер цифровой промышленной трансформации	367
Национальные программы.	371
Межгосударственное сотрудничество	374
Глава 19. Цифровизация единого рынка ЕС (<i>Н. Б. Кондратьева</i>)	379
Подходы и оценки	379
Приоритеты цифровизации.	384

Честная конкуренция	391
Новые меры	393
Глава 20. Тренды инновационного развития экономики Евросоюза	
<i>(В. С. Циренчиков)</i>	395
О концептуальных подходах к инновационному развитию	396
Состояние инновационной сферы	401
Рекомендации европейских экспертов	405
Раздел IV	
Политические процессы	
Глава 21. Партийно-политический ландшафт: вызовы и риски	
<i>(В. Я. Швейцер)</i>	411
Элиты и электорат	412
Старожилы и новички	415
Новые времена, новые дефиниции	416
Истеблишмент и «альтернативщики»: от конфронтации к сотрудничеству	419
Под знаком нецентризма	421
Новый старт или скорый финиш?	423
Испытания евровыборами	424
Глава 22. Пространство свободы, безопасности и правосудия ЕС: последствия миграционного кризиса (О. Ю. Потемкина)	429
Дублинская реформа	432
Новые функции и полномочия агентств ЕС	437
Судьба шенгенского пространства	438
Вызовы радикализации	442
Глава 23. Политический экстремизм в Европе (А. К. Камкин)	448
Правый фланг	451
Левый фланг	461
Радикальный исламизм как растущая угроза	465
Глава 24. Социально-политическая роль религиозных институтов	
<i>(Р. Н. Лункин)</i>	471
Религия и социальная структура	472
Религиозная идентичность	478
Религия и гражданская солидарность	483
Глава 25. Возвращение национальной идеи (И. Ф. Максимычев)	491

Раздел V**Кризис европейской безопасности**

Глава 26. Россия и Евроатлантика: поиск новых балансов (<i>Д. А. Данилов</i>)	496
Кризис европейской безопасности: константы и дилеммы.	496
Стратегические вызовы в российско-западных отношениях.	504
Глава 27. Кризисная стратегия ЕС в новых условиях (<i>И. Н. Щербак</i>)	509
Глобальный контекст и антикризисная дипломатия.	509
Основные направления и концепции	512
Эволюция антикризисной стратегии	515
Глава 28. Национальный уровень европейской безопасности (<i>А. А. Синдеев</i>)	528
Подход Франции	529
Подход Италии.	534
Подход Германии.	537
Франко-германские сближения: поиск общего знаменателя	539
Глава 29. Отношения России и Евросоюза в условиях взаимных ограничений (<i>В. Б. Белов</i>)	545
История ограничительных мер	545
Макро- и микроэкономические эффекты.	548
Роль Германии	552
Американские экстерриториальные меры и попытки противодействия им.	554
Глава 30. Европейская безопасность: ближневосточные вызовы (<i>А. И. Шумилин</i>)	566
Старые-новые угрозы	567
США — ЕС — Иран: треугольник растущего напряжения.	573
ЕС — Турция: испытание сирийским кризисом	579
Глава 31. Европейская безопасность: поиски выхода из тупиков (<i>В. В. Журкин</i>)	588
Заключение (<i>В. П. Федоров</i>)	599
Сведения об авторах	605

ВВЕДЕНИЕ

Определяющую роль в современном мире играют крупномасштабные и объективные процессы, в первую очередь становление полицентризма и новое перераспределение сил между ведущими центрами влияния. Нарастают конкуренция и противостояние, геополитическое соперничество возведено рядом влиятельных стран в ранг национальной стратегии. Произошло укрепление сторонников ставки на жесткую силу, полной свободы рук в военной области. В эпоху холодной войны вся архитектура стратегической стабильности исходила прежде всего из интересов двух сверхдержав. Теперь же число ключевых игроков значительно увеличилось. В первую очередь речь идет, помимо США и России, о Китае и о Европейском союзе.

Важный фактор — появление и внедрение новых систем и видов технологий и вооружений, как ядерных, так и обычных, кибертехнологий, которые стали «новыми вводными» для традиционной системы контроля над вооружениями, требующими ее адаптации. На прогрессирующий развал архитектуры мировой стабильности сильно влияет внутривнутриполитическая ситуация в ряде государств, в первую очередь в США, где международные вопросы во многом стали заложником фронтального противостояния части американского политического истеблишмента с президентом Д. Трампом и его электоратом.

Складывается парадоксальная ситуация, когда увеличение в условиях углубляющегося полицентризма количества трансрегиональных субъектов международных отношений, претендующих на часть ответственности за состояние дел в мире, пока не ведет к стабилизации системы глобального управления

и регулирования. Китай — первая экономика мира по паритету покупательной способности, продвигается по пути превращения в сфере вооружений в третью сверхдержаву. По понятным историческим причинам Пекин не имеет отношения к договоренностям об ограничении противоракетных систем, стратегических наступательных вооружений, ракет малой и средней дальности, выработанным в эпоху холодной войны.

Европейский союз, будучи мощным экономическим игроком, пассивен и невнятен по многим вопросам региональной и глобальной безопасности, особенно по вопросам деградации системы стратегической стабильности. ЕС, заявив в «Глобальной стратегии» 2016 г. о курсе на «стратегическую автономию», не занял вразумительной позиции в ответ на более раннее решение США выйти из Договора по ПРО, а в 2019 г. — из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Более того, он предпочел в целом повторять американские доводы, оправдывающие решения Вашингтона. В целом Брюссель идет в кильватере антироссийских и антикитайских настроений, охвативших Америку. На фоне этого существует вероятность повторения в том или ином виде событий первой половины 1980-х гг., связанных с размещением в Европе ядерных ракет наземного базирования. При этом ничего напоминающего антивоенное движение того времени теперь нет.

Невосполнимый вред международным отношениям в последние десятилетия нанесла идеология «либерального интервенционизма», вмешательства, вплоть до военного, в дела других государств под лозунгами либеральной демократии. Это своего рода манихейский взгляд на мир как на противостояние добра и зла, на мир, в котором «ты с нами или против нас», на мир, в котором нет места постулату о возможности партнерства различных обществ, культур, цивилизаций, социально-экономических и политических систем.

В свое время в период холодной войны обе стороны достигли значительной степени взаимопонимания и даже доверия в отношении идеи баланса сил. То был не идеалистический, а реалистический взгляд на востребованность стратегической стабильности, системы сдержек и противовесов, способности идти на компромиссы и учет интересов друг друга.

2020 г. станет вместилищем знаковых годовщин: окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны, создания Организации Объединенных Наций, атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, подписания хельсинкского Заключительного акта. Многие из наследия тех эпохальных событий продолжает зримо определять картину и состояние дел в мире. Он с тех пор изменился до неузнаваемости. Но многие проблемы так и не были решены, в том числе проблемы войны и мира, международного терроризма, социального неравенства, геополитического противостояния, экологии и изменения климата, демографии и религиозной нетерпимости. В ряде сфер они усугубились.

Эйфория от процессов глобализации осталась в прошлом. Множатся элементы деглобализации. Международный валютный фонд в октябре 2019 г. понизил прогноз роста мировой экономики до 3%, что стало худшим показателем со времен глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Обострилась ситуация в Европе, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе, в отношениях между Россией и Западом, между Соединенными Штатами и Китаем. Продолжается мучительный процесс брекзита, развеявший представление о необратимом характере европейской интеграции. Былая монолитность Североатлантического альянса поколеблена действиями США, Турции, стремлением западных европейцев к интеграции своих военно-промышленных комплексов в рамках ЕС.

Раскручиваются торговые войны, многочисленные очаги напряженности продолжают терзать Африку, появились они и в Латинской Америке. Евросоюз деморализован резким всплеском разногласий с США, внутренними противоречиями между собственными севером и югом, западом и востоком. Старый Свет полон разделительными линиями, санкционными режимами, замороженными или тлеющими конфликтами, повсеместны информационные войны. За последние годы произошел существенный рост национализма, сепаратизма, популизма. Мощной подпиткой протестных настроений служит размывание в европейских обществах и США среднего класса, стагнация доходов. Устоявшиеся партийно-политические системы распадаются.

Но существует немало и контрфорсов на просторах европейской цивилизации, сдерживающих обвальный демонтаж традиционных механизмов управления и регулирования. Развиваются процессы евразийской интеграции. Схлынул беспрецедентный поток мигрантов в страны ЕС. Осталась позади «великая рецессия». Противникам строительства «Северного потока — 2» не удалось его торпедировать. Развивается проект «Балканский поток». Россия вернулась в Совет Европы. На Украине к власти пришли новые силы, получившие мандат общества на мирное урегулирование кризиса на юго-востоке страны. Китайский проект «Один пояс — один путь» работает на «стягивание» континента.

Институт Европы РАН подготовил новую коллективную монографию, которая стала двадцатым томом в ведущей свой отчет с 2007 г. серии «Старый Свет — новые времена». Мы постарались дать всесторонний и научно обоснованный взгляд на современную Европу, показывающий как все имеющиеся риски в ее развитии, так и составляющие запаса прочности континента. В обозримом будущем он продолжит оставаться в зоне большой неопределенности, обремененный тяжелыми внутренними заботами и окруженный различными «дугами» нестабильности. Тем большее значение имеют научный подход к решению накопившихся проблем, расширение в анализе международных отношений и мировой политики поля фундаментальной науки, высокопрофессиональная экспертная поддержка внешней политики России.

Успехи России в развитии сотрудничества с соседями на Востоке, особенно с Китаем и Индией, не компенсируют того ущерба, который она несет от разрыва с Западом, и не предохраняют ее от возникновения неконтролируемых ситуаций при нынешних напряженных отношениях и противостоянии с Соединенными Штатами. Надо возобновлять диалог, вести переговоры и искать компромиссы. Не надо пугаться слова «компромисс», ибо уступив в одном, мы можем выиграть в другом. А главное, получим возможность для стабильного экономического развития, что позволит России стать великой страной не только по ядерному потенциалу, природным ресурсам и культурному наследию.

ГЛАВА 2. МИР ВОКРУГ ЕВРОПЫ

Установление баланса сил или его изменение, нахождение наиболее выгодного соотношения и сопряжения интересов и потенциалов государств и их союзов, борьба за место в первом или хотя бы во втором эшелоне мировой политики — одни из ключевых и вечных тем, формирующих внешнюю и во многом внутреннюю политику крупных международных игроков. Мир из века в век менялся до неузнаваемости, но поиск устойчивого равновесия силы в международных делах во всех ее проявлениях остается константой. Любая держава, претендующая на лидерство и обладающая навыками долгосрочного мышления, ищет возможности достижения стратегической стабильности, конечно, на выгодных для себя условиях. Как бы ни складывалось распределение экономической, политической, военной, культурной, информационной и иной мощи, даже бесспорные лидеры всегда желали упорядочить и максимально обезопасить для себя внешнюю среду, нейтрализовать или подчинить ведущих конкурентов, приобрести как можно больше союзников (или вассалов, попутчиков и т. п.). Отсюда происходили концепции буферных зон, сфер влияния, санитарных кордонов, поясов добрососедства,

стратегической глубины, привилегированных интересов, особых отношений и т. п.

История знает много поучительных примеров того, как претензии на региональное или мировое господство, пренебрежение интересами друзей и попытки подчинить соперников грубой силой заканчивались плачевно. Или как вели к ошибочным действиям превратное толкование поведения противника, искаженное представление о его намерениях, имеющее мало общего с реальностью из-за надуманных страхов. От «ловушки Фукидида»⁵⁷ до иррационального накопления вооружений в годы холодной войны⁵⁸ и различных современных «дилемм безопасности» пролегли многие столетия, но человеческое мышление не сделало такого же качественного скачка, как развитие технологий. Стремление Древнего Рима (как и всех других античных классических империй, империи Александра Македонского и мировых империй восточного типа)⁵⁹ подчинить себе ойкумену в известных на то время границах отделено огромным пластом времени от схожих поползновений империй Габсбургов и Наполеона, Третьего рейха Гитлера или США периода «однополярного мира». Но, при использовании абсолютно разных форм и инструментов достижения цели, суть их действий изменилась мало. Однако вновь и вновь очередная претензия на доминирование разбивалась об ее отторжение международной средой и о закон «взлета и падения великих держав»⁶⁰.

⁵⁷ *Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides' Trap?* Houghton Mifflin Harcourt, Boston; New York, 2017.

⁵⁸ Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко. М.: ИЕ РАН, Ассоциация внешнеполитических исследований А. А. Громыко, 2019. С. 32 [Электронный ресурс]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/gromyko-aa.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

⁵⁹ *Бахлов И. В. Многосоставные / сложные государства: опыт исследования имперских систем и их динамики // Многосоставные государства: опыт и перспективы развития / под ред. А. Д. Гулякова. Пенза: Издательство ПГУ, 2019. С. 12.*

⁶⁰ *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987.*

Новая биполярность?

Развал Советского Союза в декабре 1991 г. дал начало новому этапу в развитии международных отношений, о природе которого споры не утихают⁶¹. Более того, они обострились после начала мирового экономического кризиса в 2008 г., а позже после прихода в Белый дом Д. Трампа. Являемся ли мы свидетелями затяжного утверждения новой модели международных отношений или модернизации предыдущей, биполярной? Если речь идет о новой модели, то какова ее природа, в чем ее преемственность и в чем новизна по сравнению с предшественницами? Если же формируется новая биполярность, то какова ее структура и главные действующие лица? И в зависимости от ответа на первый и второй вопрос — каково место Европы и России в новом раскладе сил?

Представляется, что для ответа на эти и сопутствующие вопросы принципиально важно прежде всего понять, был ли процесс гибели СССР объективным или результатом стечения в основном субъективных обстоятельств. Если первое, то трудно не признать, что вряд ли стоит выступать в поддержку какой-либо новой биполярности после того, как один раз история уже продемонстрировала ее недолговечность (и как минимум однажды, в 1962 г., поставив под угрозу само существование человечества). Значит, биполярность — слишком упрощенная и неустойчивая модель международных отношений, не отражающая всего разнообразия и сложности мира, и необходимо

⁶¹ Барановский В. Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // МЭИМО. 2019. № 5; Громько Ан. А. Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? См.: Глава V «Глобализация и глобальное управление: возможности и риски». М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 100–126; Nye J. Is the American Century over? John Wiley and Sons, 2015; Rynning S. The false promise of continental concert: Russia, the West and the necessary balance of power // International Affairs. 2015. № 3; Арба-тов А. Г. Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. 2014. № 4; Krastev I., Leonard M. The New European Disorder. European Council on Foreign Relations, ECFR/17, November 2014; Haass R. The Unraveling. How to respond to a disordered world // Foreign Affairs. November — December 2014; Cox M. From Empire to decline? // The World Today. August — September 2011, Chatham House.

выстраивать глобальное управление на полицентричных началах, будь то «концерты держав», региональные порядки или что-то еще. Главный изъян биполярности, судя по опыту истории, в том, что если с одной из двух ее опор случается что-то непоправимое, то рушится вся система глобальной устойчивости.

Если второе — развал СССР как случайность, то можно утверждать, что реально установление новой, усовершенствованной биполярности с предсказуемостью ее предшественницы, но с исправлением ее недостатков. Например, уязвимым местом биполярности времен холодной войны, с точки зрения ее устойчивости, были гипертрофированная идеологическая составляющая противостояния СССР и США и одновременно их минимальная экономическая взаимозависимость. Стратегическую стабильность обеспечивал «по существу военный паритет»⁶². Такое качество отношений называли сосуществованием, другими словами — «живи, как хочешь, но признавай мои законные интересы». Конечно, первая в истории биполярность не сводилась к противостоянию только двух сверхдержав; она означала столкновение двух союзов государств, ядром которых были Москва и Вашингтон. Не надо и преувеличивать роль идеологического конфликта тех времен, стоит лишь проанализировать прагматизм внешней политики СССР вне пределов социалистического содружества в 1960–1980-е гг.⁶³, как и периодическую рациональность США в отношениях с Советами.

Не менее важно определить, есть ли в развитии современного мира склонность к возникновению новой биполярности, в первую очередь — кто претенденты на ее внутренний контур, другими словами — на роль двух сверхдержав? На сегодня единственным правдоподобным вариантом является формирование новой биполярности с участием в качестве ее движущих сил США и Китая. В средствах массовой информации стало общим местом изображать мир распадающимся на два лагеря, например: «Китай находится на подъеме, и благодаря торговой

⁶² Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко. С. 31.

⁶³ *Громыко Ал. А.* Могла ли холодная война закончиться раньше. Постановка вопроса (К 110-летию А.А. Громыко) // МЭИМО. 2019. № 10. С. 108–114.

войне, развязанной Трампом, — вещает “Си-эн-эн”, — мир превращается в пространство “мы против них”. <...> В нем будет два лагеря — проамериканский и прокитайский...»⁶⁴ В отличие от предыдущей «супердвойки», здесь, наоборот, экономики тесно переплетены, а идеологическая конкуренция играет второстепенную роль, и значит Вашингтон и Пекин живут не в параллельных и мало связанных измерениях, а в одном глобальном тесно переплетенном мире. Но представляется, что и такая биполярность, закрепившись она на время, не была бы устойчивой и желательной.

«Ловушка Фукидида»

Биполярность, на практике известная нам только в одном-единственном советско-американском варианте, характеризовалась в целом стабилизацией международных отношений, признанием сверхдержавами ключевых интересов друг друга⁶⁵ — реальность позднего послевоенного периода, который часто награждают эпитетом «золотой век» международных отношений, при всех его темных сторонах. К той эпохе с полным правом относится следующее утверждение: «Ядерное оружие действительно является орудием мира, пока и поскольку достигается и поддерживается ядерный паритет; оно может грозить ядерной войной, если та или иная сторона вступит на путь нарушения этого паритета, когда происходит гонка ядерных вооружений»⁶⁶. Но современную траекторию отношений Пекина и Вашингтона

⁶⁴ *Robertson N.* Boris Johnson stakes future on Donald Trump after Brexit. The gamble may break Britain. CNN, 23 August 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnn.com/2019/08/24/uk/johnson-trump-brexit-g7-gbr-intl/index.html> (дата обращения: 23.08.2019).

⁶⁵ Так было в Хельсинки в 1975 г., а позже в 1984 г., см.: *Громыко А. А.* Венец дипломатии Андрея Громыко (к истории советско-американских отношений) // А. А. Громыко — дипломат, политик, ученый. М.: МГИМО (У) МИД РФ, РОССПЭН, 2000.

⁶⁶ *Филитов А. М.* От атомной монополии к ядерному паритету. О книге В. Л. Малькова, и не только о ней // *Международная жизнь.* Апрель 2019. С. 133.

популярно трактовать следующим образом: «Война между США и Китаем в следующие десятилетия не просто возможна, но намного более вероятна, чем принято считать»⁶⁷. Если это так, то их взаимодействие ведет не к стабилизации, а к дальнейшему расшатыванию системы глобального управления и регулирования. Тогда такое взаимодействие тем более не может претендовать на роль ядра новой модели международных отношений, ведь суть категории «модель международных отношений» в том, чтобы решать проблемы, а не усугублять их, находить устойчивый модус вивенди между ключевыми центрами силы с переходом к состоянию стратегической стабильности.

Другой, тоже популярный на Западе, но более оптимистический сценарий заключается в том, что США надо брать курс на новое сосуществование с Китаем, «соревнование без катастрофы»⁶⁸, т.е. биполярность «два точка ноль». Трезвая сторона этого сценария — он не строится на ожидании, что Китай повторит судьбу Советского Союза, слишком он силен экономически и продолжает набирать мощь. По паритету покупательной способности экономика Поднебесной опережает американскую уже на 25%. Идеалистическая сторона — идею «большой ребалансировки» предлагается осуществить на условиях США. Ведущим популяризатором такого подхода стал бывший помощник государственного секретаря США Курт Кемпбелл⁶⁹.

Но представляется, что такие расчеты строятся на более зыбком фундаменте аргументов, чем более алармистский анализ с опорой на «ловушку Фукидида» Грэма Аллисон, профессора Гарвардского университета, и других специалистов со схожим мнением. В обоих случаях признается кардинальное изменение ситуации в мире, но сторонники ребалансировки по-американски считают, что Америка все еще сверхдержава, или уповают на то, что она вернет себе утерянные позиции «после Трампа».

⁶⁷ *Allison G.* Op. cit. P. xvii.

⁶⁸ *Kampbell M. K., Sullivan J.* Competition without catastrophe. How America can both challenge and coexist with China // *Foreign Affairs*, September — October 2019.

⁶⁹ *Kampbell M. K.* The Pivot: the future of American statecraft in Asia. New York: Twelve, 2016.

Их оппоненты утверждают, что в одну реку не войти дважды, и истеблишмент США должен перестать обманывать себя — ребалансировка достижима в лучшем случае на условиях равенства, но, скорее всего, во многом уже на условиях Китая. По их логике, для сохранения шансов на благоприятный для США исход необходимо примирение с реалиями «постзападного мультиплексного мира»⁷⁰ и возвращение американской внешней политики в русло реализма, одно из составляющих которого — прекращение действий, ведущих к усилению альянса Китая и России.

Экономическая взаимозависимость против геополитики

Будущее глобального мира находится под вопросом на фоне ужесточения экономической, информационной, технологической и других форм конкуренции. Глобализация на всех парах превращается из стихийного саморегулирующегося экономического процесса в политический инструмент для подавления бизнес-конкурентов, в том числе с помощью произвольных рестрикций, фактического изъятия принципа презумпции невиновности из международного права, которому все больше противопоставляется «порядок, основанный на правилах», экстерриториального применения национального законодательства, действий в обход правил ВТО со ссылками на интересы «национальной безопасности».

Некогда воспеваемые поклонниками либерального капитализма принципы свободного рынка и «государства — ночного сторожа» сданы в утиль и подчинены политической целесообразности. США и Британия делают вид, что продолжают отстаивать принципы свободной торговли, но на деле подрыывают ее, например, выходом Вашингтона из Соглашения о транстихоокеанском торговом партнерстве и торпедированием переговоров о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, или брекзитом, наносящим удар по одному

⁷⁰ *Mayer M.* China's historical statecraft and the return of history // *International Affairs*. 2018. № 6. P. 1235.

из столпов Запада — Евросоюзу. Ныне принцип свободной торговли играет роль ширмы в геополитической игре, например, в Южно-Китайском море или в Ормузском проливе. В то же время не решены многие фундаментальные проблемы, приведшие к мировому экономическому кризису, разразившемуся в 2008 г. с эпицентром в США. Если вышеупомянутые тенденции сохранятся, то якобы новая американско-китайская биполярность станет на деле проявлением нового экономического протivостояния, а не единства «глобального мира».

Таким образом, условия для стабильности новой биполярности отсутствуют и в смысле исчерпанности модели глобализации, каким мир ее знал в 1990—2000-е гг.⁷¹, и в смысле невозможности вернуться к контексту старой биполярности, которая в 1950—1980-е гг. функционировала в условиях двух мало связанных социально-экономических мегарегионов — расколотых частях мира под руководством СССР и США. Элементы деглобализации наглядно проявляют себя уже более 10 лет, но это определенный откат по сравнению с пиковым уровнем современной фазы глобализации, нежели возвращение мира к структуре глобализации до окончания холодной войны. Несмотря на все современные торговые, валютные и санкционные войны, глобальность рынка невозможно демонтировать и вернуть к временам малопроницаемых друг для друга СЭВ и ЕЭС; автаркия стала уделом считанных стран, таких как Северная Корея, и то с большими оговорками.

В условиях пока еще мирного сосуществования США и Китай обречены на тесные экономические отношения, но это еще не гарантирует их от сползания к конфронтации. В отсутствие условий для экономической изоляции друг от друга, как и, напротив, для устраивающей обе стороны экономической взаимозависимости, в сердце новой биполярности изначально развивается ишемическая болезнь — острая политико-экономическая американско-китайская конкуренция. Из этого следует, что такая биполярность не обеспечит миру устойчивости даже на уровне советско-американских отношений. Хотелось

⁷¹ Будущее глобализации под угрозой? Доклады РИСИ // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 3. С. 21, 51.

бы верить, что плотное экономическое переплетение интересов США, ЕС и Китая достаточно для того, чтобы удержать их от скатывания к вражде⁷². Но история знает много иных примеров.

Россия и ЕС экономически были тесно связаны до 2014 г., а европейский бизнес активно противился введению рестрикций против России. Тем не менее политики проигнорировали его интересы. Глубоким было экономическое взаимопроникновение вскоре приступивших к уничтожению друг друга государств до Первой мировой войны и затем до Второй мировой. Крупнейшие британские ТНК выступали против присоединения Лондона к американской агрессии против Ирака в 2003 г., но премьер-министр Тони Блэр решил по-своему. Россия являлась крупнейшим рынком сбыта украинских товаров с высокой добавленной стоимостью, но в феврале 2014 г. власть в Киеве захватили антироссийские силы, для которых это уже не имело значения. С точки зрения экономической рациональности вполне возможно, что от антикитайской политики Д. Трампа выиграют не меньше представителей бизнес-сообщества США, чем тех, кто проигрывает.

Внешние контуры соперничества

Глобальность соперничества СССР и США стала возможной в результате выстраивания вокруг них внешних контуров — социалистического содружества в первом случае и капиталистического Запада — во втором. Бесспорно, существовала и реальность Третьего мира (включая Движение неприсоединения). Концепция «Запад» до сих пор широко применяется. Однако события последних 20 лет показывают, что Запада в прежнем понимании уже нет. США во многом растеряли свой авторитет, экономическую мощь, способность эффективно применять жесткую силу, отстаивать первенство своих технологий добропорядочными

⁷² *Носов М. Г.* Поворот на Восток: итоги пяти лет // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 2. С. 11; *Он же.* Китай и ЕС: торговля или стратегия // Современная Европа. 2018. № 6.

средствами. Даже Британия, ближайший союзник Вашингтона, не встала на его сторону в отношении китайского телекоммуникационного гиганта «Хуавей»⁷³. По мнению жителей Японии, Канады, Германии и Франции, США представляют большую угрозу для безопасности их стран, чем Россия и (за исключением Японии) Китай⁷⁴.

Размытый Запад превратился в двухъядерную конструкцию с центрами в Вашингтоне и Брюсселе как столицы Евросоюза, которые следуют курсом стратегической расстыковки, дивергенции⁷⁵. США, начиная с президентства Дж. Буша-младшего, идут по пути монетизации и прагматизации своих отношений с союзниками и стратегически уходят из Европы. ЕС предпринимает основательные попытки вырваться из прокрустового ложа сугубо экономического центра силы с помощью целеполагания, основанного на идее общей стратегической культуры и геополитической автономии (своего рода евроголизм). «Европа уже никогда не будет в центре внимания США, как это было прежде, — пишет журнал “Фореин Эффейрс”, — она должна обеспечить выживание своей собственной модели, чтобы претендовать на глобальные амбиции»⁷⁶.

Что касается внешнего контура Китая, то ничего похожего на социалистический лагерь под эгидой СССР он не имеет. Для биполярности эпохи холодной войны первостепенное значение играла политическая и идеологическая солидарность. Экономическое влияние Китая в мире давно превысило возможности Советского Союза, но политически у Пекина союзников почти нет, особенно если дело дойдет до его жесткой конфронтации с США, что, вполне возможно, не за горами. В этом проявляется явное отличие современного состояния дел от былой биполярности и в очередной раз показывает,

⁷³ Defence Secretary Gavin Williamson sacked over Huawei leak // BBC News, 1 May 2019.

⁷⁴ Munich Security Report 2019. P. 7.

⁷⁵ Громько Ал. А. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. 2018. № 4. С. 5–16.

⁷⁶ Polyakova A., Haddad B. Europe Alone // Foreign Affairs, July — August 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2019-06-11/europe-alone> (дата обращения: 01.09.2019).

что ее воссоздание на основе американо-китайского сценария не просматривается. Без сколоченных вокруг себя идеологически мотивированных блоков биполярность превращается в выяснение отношений двух государств, пусть и обладающих в большей или меньшей степени набором атрибутов сверхдержавности.

У Китая по существу есть один верный стратегический партнер, стб́ящий, правда, дюжины других, — Россия. У США союзников все еще немало, но в своем большинстве движимых прагматичными соображениями и вынужденной зависимостью от Америки как военной силы, эмитента доллара или огромного рынка. Восторгаться «образчиком демократии» уже мало кто хочет. Здесь уместно вспомнить о том, что и в период холодной войны элементы «двухъядерности» по обе стороны существовали: разногласия США с Британией и Францией во время Суэцкого кризиса 1956 г.; выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г.; трения из-за экономического сотрудничества с Советским Союзом, в первую очередь в нефтяной сфере, европейских стран — союзников США вопреки желанию последних. Мировая социалистическая система была также далеко не монолитной, что приводило к масштабным проблемам: между СССР и Социалистической Федеративной Республикой Югославия, к событиям 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии.

Что касается российского-китайского тандема, то на создание одного из блоков новой биполярности он, конечно, не претендует, хотя постепенно приобретает элементы и военного союза. Безусловное лидерство в нем не захочет уступать ни одна сторона — обе державы видят себя глобальными игроками. Кроме того, стратегии Москвы и Пекина в значительной степени пересекаются, но далеко не во всем. Основная формирующаяся зона военно-политического противостояния Китая с Западом находится на южном направлении, которое отстоит от России на тысячи километров, — это Южно- и Восточно-Китайские моря, где у Москвы своих непосредственных национальных интересов нет. Именно там сконцентрированы наиболее уязвимые для геополитической стабильности узлы (Гонконг, Тайвань, Парасельские острова, архипелаг Спратли). Уже немало

сценариев эскалации напряженности в этом регионе⁷⁷. У России такая зона, аналогично далекая от Китая, находится на ее западном направлении.

«Возвращение мира Марко Поло»

Биполярность была возможна в мире, расколотом по идеологическому принципу. Но противоборство социализма и капитализма осталось в прошлом. Отступают на второй план и ценностные различия. Вперед выходят, в который уже раз в истории, *realpolitik* и геополитика, тем более что сами власти США теперь считают геополитическое соперничество сутью международных отношений⁷⁸. В иных, но сравнимых терминах говорят о «возвращении мира Марко Поло»⁷⁹. В отсутствие настоящего, а не иллюзорного идеологического противостояния невозможно воссоздать условия, способствующие делению мира на два лагеря, с которым равноудаленность пытался бы поддерживать некий Третий мир, тем более что этот еще один коллективный игрок времен холодной войны сам давно распался на части.

Конечно, Америка и Китай во многом имеют кардинально разные наборы ценностей и политические системы — так же, как это было в системе координат «СССР — США», и от идеологических противоречий им никуда не уйти по мере дальнейшего усиления Китая, даже с учетом замедления темпов роста его ВВП, и относительного ослабления Америки. Но на сегодня данные противоречия — намного более облегченный вариант

⁷⁷ If America and China clash at sea. China crisis. October 2020. The Economist. The World If Politics. 6 July 2019.

⁷⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. О возвращении геополитики в мировую политику рассуждали задолго до прихода Д. Трампа в Белый дом. См., например: *Larrabee S.* Russia, Ukraine, and Central Europe: the return of geopolitics // *Journal of International Affairs*. Spring — Summer 2010. № 2. P. 33–52.

⁷⁹ *Kaplan R.* The return of Marco Polo's world and the US military response. Center for a New American Security, Washington DC, 2017.

по сравнению с эпохой холодной войны при всей относительности непримиримости идеологий даже в то время. То, что действительно является проблемой, — это традиционный мессианизм США, укорененность комплекса лидерства и исключительности⁸⁰, неприятие в американских стратегических документах возможности появления сравнимого по мощи соперника неизбежно приведут и уже приводят к усилению конфронтационных элементов во взаимоотношениях с Пекином. Вашингтон может ладить с авторитарными и даже теократическими режимами, как, например, с Саудовской Аравией, и считать их союзниками, пусть и ситуативными (как наглядно показал пример Египта Х. Мубарака). Но это происходит в случае встроенности таких государств в американскую модель внешней политики и экономических интересов.

Китай, со своей стороны, не демонстрирует что-либо приближенное к мессианизму США, по крайней мере пока, и не продвигает идеи социализма и коммунизма в других странах, как это делал СССР. Но активно популяризирует концепцию «китайской мечты» (Chinese Dream), разрабатывает свою собственную теорию и практику международных отношений и полагается не столько на идеологические штампы, сколько на силу привлекательности своей модели развития, обеспечившей этому государству беспрецедентный по длительности период экономического роста. В конце концов, не столь уж и важно, ужесточится ли со временем идеологический компонент американо-китайского соперничества. Он может так и остаться на втором плане, что не повлияет на неизбежное нарастание конкуренции Пекина и Вашингтона в связи с более глубоким, чем непримиримость идеологий, фактором — геополитически низкой совместимостью двух государств. Она же характерна для отношений США с Россией, не исключена в среднесрочном будущем в их отношениях с Индией, а в долгосрочном, как это не покажется маловероятным сегодня, — с Западной Европой.

⁸⁰ Понятие американского лидерства использовано 36 раз в Стратегии национальной безопасности США 2015 г. — 32-страничном документе. Также см.: *Громыко Ал. А. О стратегическом мышлении // Современная Европа. 2016. № 2. С. 6–9.*

Попытки перезапустить конфликт глобальных идеологий в виде дихотомии «либерализм — консерватизм», «нелиберальные — либеральные демократии», «авторитаризм — демократия»⁸¹ и тому подобные бинарности вряд ли принесут успех. «...ЕС впадает в искушение изображать мировую политику как конфронтацию между демократиями и недемократиями, — пишет Свен Бископ из Королевского института международных отношений Бельгии (Эгмонт). — Но это искажение реальности: мировая политика сегодня заключается не в идеологических битвах, а в достижении своих интересов»⁸². Глобальные идеологии нуждаются в своих носителях-лидерах, какими в свое время были советская Россия (коммунистическая утопия) и капиталистические США («град на холме»), в государствах-поклонниках по всему миру и пассионарных обществах (или по крайней мере пассионарных элитах). Эпоха идеологий и «больших идей» на Западе характеризовалась массовыми партиями и партийно-политическими системами, структурированными по классовому признаку. В СССР мировоззренческое сплочение осуществлялось на основе идей всеобщего равенства и справедливости в мировом масштабе. Сегодня этих мобилизационных механизмов просто не существует. Великие идеологии XIX—XX вв., претендовавшие на универсальность, заменены либо идеологией общества потребления, либо в лучшем случае партикулярными идеями возрождения национального величия.

На фоне поразительных успехов Китая споры о первенстве индивидуализма или коллективизма уступают место рассуждениям об эффективности. Мерилом успеха становятся не разновидности политической системы и соотношение между общественным и частным, государством и человеком, а способность конкретного государства развиваться, быть технологическим, инновационным, инфраструктурным, информационным лидером. Описывая этот сдвиг в измерении успешности с точки зрения либеральной модели, французский исследователь,

⁸¹ Например, см.: *Mouk Y. The dictators last stand // Foreign Affairs. September — October 2019.*

⁸² *Biscop S. 1919–2019: How to make peace last? European strategy and the future of the world order. Egmont Institute, 2019. P. 4.*

иностранный член Российской академии наук Тьерри де Монбриаль пишет: «Помимо ошибок отдельных политиков, сегодня под вопрос ставится эффективность политических режимов, в рамках которых действуют или бездействуют политики. <...> Нравится это или нет тем, кто занят поиском идеального политического режима, или тем, кто упивается риторикой “демократия — худшая из форм правления, если не считать всех остальных”, всегда существует связь между легитимностью и эффективностью данного политического режима»⁸³. Он заостряет свою мысль: «ЕС страдает не столько от демократического дефицита, о чем без конца говорят, а от дефицита эффективности и, значит, легитимности»⁸⁴.

Помимо динамики отношений в треугольнике Первый, Второй и Третий миры в годы холодной войны имелся еще один наглядный фактор, показывающий одновременно и ошибочность упрощенного восприятия категории «биполярность», и недолговечность союзов, основанных на идеологии. Речь идет об отношениях Китая с СССР и позже с США. Москва и Пекин рассорились, хотя изначально были идеологическими близнецами, и этим не преминул воспользоваться Вашингтон, используя ситуацию в свою пользу. Поучительно, что примирение между Советским Союзом и Китаем тем не менее произошло. И хотя началось оно еще в первой половине 1980-х гг.⁸⁵, но вышло действительно на новый качественный уровень в 2000-е гг. и, что ясно, не на идеологической основе. Платформой для такого сближения стали в основном прагматичные вопросы эффективности и справедливости глобального управления и регулирования и необходимость держаться вместе под напором США. Вполне возможно, что место Китая как яблока раздора в геополитической борьбе эпохи холодной войны в следующие десятилетия в соперничестве США с Россией и Китаем займет ЕС, партнерство с которым для Пекина и Москвы будет крайне

⁸³ *Montbrial de T. Perspectives. Excerpt from RAMSES 2019, Les Choi's du futur, July 2018. P. 3.*

⁸⁴ *Ibid. P. 4.*

⁸⁵ *Mouseev Л. П. Япония и Китай — приоритеты на Дальнем Востоке // Война между государствами — великое зло. К 110-летию А. А. Громыко / под ред. Ал. А. Громыко. М.: Весь Мир, 2019. С. 217–224.*

важным для успешной диверсификации их внешней политики и экономических интересов. Позже таким же значимым мировым игроком для привлечения на свою сторону станет Индия.

Конечно, речь не идет о ближайшей перспективе. Например, формирование нового «концерта держав» в Европе от Атлантики до Тихого океана (Большая Европа⁸⁶, или, другими словами, «европейский континентализм»⁸⁷) или хотя бы баланса сил⁸⁸ востребовано и теоретически, и практически, исходя из интересов России и европочвенников — части истеблишмента Евросоюза, выступающей за его стратегическую автономию. Однако в реальности соображения евро-атлантической солидарности, а значит, и еврозападники еще будут какое-то время доминировать во внешнеполитических и экономических действиях Евросоюза. Конечно, далеко не все поклонники его стратегической автономии выступают за возобновление движения по пути стратегического партнерства с Москвой. Но большинство из них, желая видеть ЕС самостоятельным центром силы в мире, априори не смотрят на окружающий мир, включая Россию, через американские очки.

Судя по всему, для построения Большой Европы «концерт держав» вначале должен появиться в самой Евроатлантике в смысле формирования равноправных и равновеликих отношений между ЕС и США по мере геополитического взросления первого и примирения вторых с полицентричным характером современной международной среды. Когда это случится, обе стороны смогут взвешенно выстраивать партнерские отношения с третьими силами на основе своих национальных или транснациональных интересов, перестав нарочито обвинять друг друга в предательстве принципа евро-атлантической солидарности (будь то в отношении России, Ирана или Китая)

⁸⁶ Большая Европа: идеи, реальность, перспективы / под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. ИЕ РАН, Серия «Старый Свет — новые времена». М.: Весь мир, 2015.

⁸⁷ *Sakwa R.* The death of Europe? Continental fates after Ukraine // *International Affairs*. 2015. № 3. P. 554.

⁸⁸ *Mearsheimer J.* Why the Ukrainian crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin // *Foreign Affairs*. September — October 2014. № 5. P. 77–89.

и рассматривать «континентальный концерт» (Большую Европу) и «западный концерт» (Евроатлантику) как взаимоисключающие понятия⁸⁹. Ту же дихотомию можно выразить двумя другими терминами, обозначающими взаимоисключающие геостратегические проекты, — панъевропеизм и атлантизм⁹⁰.

Важно, что идея Большой Европы продолжает существовать и высказываться на самом высоком уровне в крупнейших странах Старого Света. В исполнении Президента Франции Э. Макрона это звучит так: «Я думаю обо всем том, что произошло за последние десятилетия, то, что смогло нас отдалить друг от друга. Я знаю, что Россия — европейская страна до глубины души. И мы верим в Европу, которая идет от Лиссабона до Владивостока». В отношении перспектив, связанных с созданием общей Европы от Лиссабона до Владивостока, президент России В. В. Путин считает: «...то, что сегодня кажется невозможным, завтра может стать неизбежным»⁹¹.

Значение терминов

Итак, уже в эпоху холодной войны категория «биполярный мир» была во многом относительной, а события, произошедшие с тех пор, тем более сделали ее устаревшей. Но тогда на Западе и на Востоке были свои государства-лидеры, возможности которых во много раз превышали потенциал их союзников по большинству параметров. В преддверии 2020-х гг., когда комбинированная мощь, а не опора на какую-то одну разновидность силы распределена по планете как никогда равномерно, рассуждения с использованием категории «сверхдержава» имеют мало общего с реальностью. Термины «великие державы», «сверхдержавы» принадлежат прошлому. Действительность требует обновления понятийного аппарата, например:

⁸⁹ *Rynning S.* Op.cit. P. 539.

⁹⁰ *Sakwa R.* Op.cit. P. 568.

⁹¹ Президенты России и Франции сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов. 19 августа 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61336> (дата обращения: 20.08.2019).

«нишевая держава» — для отражения высокой значимости определенного государства и одновременно относительности его суммарной мощи за рамками лидерства в определенных нишах (экономической, финансовой, культурной, военной и т. д.); «двухъядерный Запад» — для обозначения очевидного факта стратегического расхождения интересов США и ведущих государств Западной Европы.

Что касается категории «биполярность», то считать конструкцию двухъядерного Запада и конкурирующего с ним российско-китайского тандема, а тем более супердвойку Чай-мерику (от английских China и America. — *Авт.*) ее новым изданием было бы большой натяжкой. Здесь понятие полярности становится настолько размытым, что практически теряет свой изначальный смысл. И все же рассуждения о биполярности остаются для многих привлекательными по нескольким причинам. Например, благодаря достаточной простоте мироустройства, которое существовало в годы холодной войны. Анализируют международные отношения в терминах биполярности и те, кто охвачен в США антикитайскими настроениями и хочет применить трафарет биполярности, чтобы вновь одержать невоенную победу над оппонентом, но уже не над советской Россией, а над коммунистическим Китаем. Биполярность, нанизанная на ось США — Китай, кажется жизнеспособной также тем, кто недооценивает центробежные тенденции внутри Запада, отрицает очевидное — постепенный закат вслед за европоцентризмом западноцентричного мира или не верит в возможность появления в XXI в. третьей, четвертой и т. д. полярностей наравне или приближенных по потенциалу к США и Китаю.

Помимо уязвимых сторон новой биполярности, о которых сказано выше, для России, которая привыкла играть на многих досках, такая модель международных отношений означала бы ослабление ее позиций в качестве глобальной державы. Руки Москвы во многом и тактически, и стратегически были бы связаны условиями новой блоковой дисциплины, в рамках которой она уже не играла бы роль первой скрипки. Во вред себе действовал бы и Евросоюз, поскольку втянулся бы на стороне США в масштабное геополитическое противостояние, опять же

на вторых ролях, с де-факто крупнейшей и все еще быстро растущей экономикой мира.

Несостоятельность концепции новой биполярности в очередной раз доказывает нежелательность⁹² или надуманность распространенного в России и за рубежом тезиса о развертывании «новой холодной войны»⁹³, под которой понимают элементы политико-военного противостояния России и Запада, сопровождаемого взаимными экономическими рестрикциями. Феномен холодной войны⁹⁴ неотделим от послевоенных условий возникновения советско-американской биполярности. Ее ключевые параметры хорошо известны, и практически ни один из них пока не воссоздан современными событиями. Сегодня никто всерьез не утверждает, что новый геополитический разлом пролегает между Россией и США, а значит, и Западом. По сути, употреблять выражение «новая холодная война» еще имело бы смысл относительно направления, в котором движутся Китай и США. Однако в серьезных исследованиях, даже в СМИ и околонучный публицистике такое утверждение встретить трудно, хотя немало говорится о возможности эвентуального военного столкновения Пекина и Вашингтона. Одним из немногих примеров, когда к американо-китайским отношениям термин «новая холодная война» все же применялся, стали комментарии к выступлению Майкла Пенса, вице-президента США, в октябре 2018 г.⁹⁵

⁹² *Doyle M.* A New Cold War? Swedish Institute of International Affairs // ULPaper. 2018. № 2.

⁹³ *Громько Ал. А.* Глава «Структуры соперничества и опыт истории» // О насущном. Европа и современный мир. М.: Нестор-История, 2017. С. 150–177 [Электронный ресурс]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/editorial.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

⁹⁴ *Громько Ал. А.* Опыт преодоления «холодной войны» (к 110-летию А. А. Громько) // Новая и новейшая история. 2019. № 5.

⁹⁵ *Pence M.* Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China. The Hudson Institute, Washington, DC, 4 October 2018; *Perlez J.* Pence's China Speech Seen as Portent of 'New Cold War', // The New York Times. 5 October 2018; *Rogin J.* Pence: "It's Up to China to Avoid a Cold War" // Washington Post. 13 November 2018.

Взросление Европы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что новая биполярность с опорой на американско-китайскую ось, как и любая иная биполярность, в современном мире невозможна. Сегодня для ее утверждения отсутствуют объективные условия и причины. Если бы даже это было не так, России такое развитие событий было бы невыгодно, что подтверждают выводы и других специалистов⁹⁶. Конечно, политическая, т. е. субъективная воля может сама создавать объективные условия. Если предположить, что по мере усиления напряженности в отношениях США и Китая Москва откажется от мучительной работы по нормализации отношений с Западом и создаст с Пекином полноценный антизападный союз, а Евросоюз, в свою очередь, откажется от идеи стратегической автономии и прикнет к антикитайской стратегии Вашингтона, вдохнув новую жизнь в атлантизм, то новая биполярность может стать реальностью.

Но это в теории. На практике в Москве и Брюсселе такие настроения далеко не доминируют. Напротив, растет понимание, что текущее состояние контактов Евросоюза и НАТО с Россией приведет лишь к ухудшению ситуации⁹⁷. Более того, в последние годы европочвенники предприняли активные усилия по созданию условий, в основном в сфере общей политики безопасности и обороны, для выведения ЕС в качестве внешнеполитического игрока из подросткового, если уже и не из младенческого состояния⁹⁸. Недалекое будущее покажет, по какому пути пойдет милитаризация ЕС: является ли программа постоянного структурированного сотрудничества (PESCO) действительно началом становления стратегической автономии Брюсселя, или

⁹⁶ Барановский В. Г. Указ. соч. С. 13.

⁹⁷ Monaghan A. Dealing with the Russians. Cambridge, Polity Press, 2019; Данилов Д. А. Россия — ЕС — НАТО: выбор рациональной стратегии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 3. С. 73.

⁹⁸ Громыко Ал. А. Дилеммы Европейского оборонного Союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 2; Журкин В. В. Евросоюз: к истории ПЕСКО // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 2.

новый атлантизм поглотит эти попытки создания европейского Оборонного союза⁹⁹.

Трезвости и прагматичности в оценках мирового развития западным политикам и экспертам придает все более широкое осознание реалий современного мира, уход от апологетики ЕС, более сбалансированные, свободные от идеологизации оценки поведения других государств. Но и после того, как европейская интеграция во многом прошла дно кризиса, а экономические показатели США дают основание Д. Трампу рассчитывать на переизбрание, рассуждения многих видных специалистов о будущем Евроатлантики полны пессимистическими настроениями — от умеренных до крайне алармистских. Тьерри до Монбриаль пишет: «В предстоящие годы основной риск в том, что Союз (ЕС. — *Авт.*), формально сохраняя целостность, скатится к состоянию рыхлой конфедерации»¹⁰⁰. Еще более категоричен Ян Зилонка, что отражено в названии его работы «Обречен ли ЕС?»¹⁰¹, в которой автор утвердительно отвечает на им же поставленный вопрос. «Европа, рожденная по окончании холодной войны, — размышляет в более широких терминах Ричард Саква, — умерла»¹⁰². Выходя в своем анализе далеко за пределы Старого Света, Роберт Каган утверждает: «Демократический альянс, лежавший в основе либерального мирового порядка под руководством США, разрушается. <...> Приближается мировой кризис»¹⁰³. Очередные выборы в Европарламент, прошедшие в мае 2019 г., лишь усилили разочарование скептиков. Произошла явная дискредитация процедуры «ведущего кандидата» (*Spitzenkandidat*), после того, как ни один из ключевых претендентов от политических групп в ЕП не занял главные посты в ЕС¹⁰⁴.

⁹⁹ *Sakwa R.* Op. cit. P. 579.

¹⁰⁰ *Montbrial de T.* Op. cit. P. 23.

¹⁰¹ *Zielonka J.* Is the EU doomed? Cambridge: Polity, 2014.

¹⁰² *Sakwa R.* Op. cit.

¹⁰³ *Kagan R.* Things will not be ok // Washington Post. 12 July 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/everything-will-not-be-okay/2018/07/12/c5900550-85e9-11e8-9e80-403a221946a7_story.html (дата обращения: 10.08.2019).

¹⁰⁴ *Кондратьева Н.Б.* Выборы Председателя Европейской комиссии: как это было и как это могло быть в 2019 году. Аналитическая записка

Европа большую часть Нового и Новейшего времени управляла мировыми делами. 1945 г. подвел черту под европоцентризмом глобального управления и регулирования. Но с тех пор Старый Свет в разных своих ипостасях — советской, российской, западноевропейской — продолжал оставаться местом сосредоточения большинства международных тяжеловесов. С распадом Советского Союза в 1991 г., а затем после череды кризисов, поразивших Евросоюз в 2000–2010-е гг., ни коммунистическая утопия, ни «европейская мечта»¹⁰⁵ не стали идеологическим трамплином для возрождения европоцентризма международных отношений. Но одновременно в период заката вошла и «американская мечта»¹⁰⁶. По поводу неспособности США закрепить за собой «однополярный момент» сказано многое. Один из недавних примеров: «Имелись глубокие структурные причины в международной системе, — пишет Фарид Закария об Америке, — которые неумолимо работали против любой нации, аккумулирующей такую мощь»¹⁰⁷.

В XXI в. структура мировой политики и экономики изменилась настолько, что Россия, ЕС и США вынуждены существенным образом менять свою стратегию развития с учетом появления новых центров силы и влияния¹⁰⁸. Для достижения этой цели ключевую роль будет играть степень успешности решения в первую очередь двух задач — ускоренной внутренней

№ 24, ИЕ РАН, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an175.pdf> (дата обращения: 20.11.2019); Потемкина О. Ю. Кто убил Spitzenkandidat? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Potemkina42019.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁰⁵ Riffin J. The European Dream. New York, Jeremy P. Tarcher / Penguin, 2004.

¹⁰⁶ Adams T. J. The Epic of America. Little, Brown and Company, 1931.

¹⁰⁷ Zakaria F. The self-destruction of American Power. Washington squandered the unipolar moment // Foreign Affairs. July — August 2019.

¹⁰⁸ Симония Н. А., Торкунов А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3.

модернизации¹⁰⁹ и правильного распределения внешнеполитических векторов. И то, и другое зависит от выверенной, научно обоснованной характеристики мира, в котором мы живем.

ГЛАВА 3. ЕВРОСОЮЗ: ВЫЗОВ БРЕКЗИТА

Черeda кризисов и грядущий выход Великобритании из ЕС заставили лидеров объединения вновь задуматься о путях и методах развития интеграционного процесса в новых условиях. В целом можно сказать, что существуют два направления дискуссии: теоретическое, когда обсуждают принципы развития Европейского союза, и практическое, относящееся к конкретным реформам и проектам. На стыке теории и практики стоит вопрос о повышении эффективности работы ЕС.

ЕС без Великобритании: больше гибкости или единства?

Чем более многочисленным становился состав Европейского союза, тем менее монолитным выглядело объединение. В последнее десятилетие долговой кризис в зоне евро разделил государства-члены по линии Север — Юг, а миграционный кризис — по линии Запад — Восток, общей нестабильности добавил брекзит. В результате в Брюсселе признали, что кризисы стали «новой нормальностью», а гибкие подходы к реализации интеграционного процесса — неизбежными¹¹⁰. В ответ на сложившуюся ситуацию руководство ЕС инициировало широкую дискуссию о будущем устройстве Европейского союза. Ее

¹⁰⁹ *Trobowitz P., Harris P.* The end of the American century? Slow erosion of the domestic sources of usable power // *International Affairs*. 2019. № 3.

¹¹⁰ *Gostyńska-Jakubowska A., Odendahl Ch.* A flexible EU: A new beginning or the beginning of the end? // CER. 18.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/insight_AG_CO_18.5.17.pdf (дата обращения: 19.06.2019).